

СЕРГЕЙ ДОЗОРОВ

АРОН РОДОВИЧ

ВЯЗЬМИН ДЕТЕКТИВ-ПРИЗЫВАТЕЛЬ

Арон Родович Сергей Дозоров Вязьмин. Детектив- призыватель. 3

<https://litres.ru/74364933>

SelfPub; 2026

Аннотация

Труп моего кредитора нашли прямо на выпускном экзамене.

Особенно некстати, если ещё утром ты был взрослым частным детективом из другого мира, а теперь — семнадцатилетний барон, последний наследник разорённого рода и самый удобный подозреваемый.

Чтобы получить лицензию, мне нужен успешный призыв. Чтобы сохранить усадьбу — раскрыть убийство за одиннадцать дней. А единственный помощник, которого дал мне родовой Реестр, — наглый барсук Фыр. Он чует страх, требует мясо и кусает по делу.

Что ж. Для первого расследования сойдёт.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Г	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Дозоров, Арон Родович Вязьмин. Детектив- призыватель. 3

Глава 1

Даша нашлась в архивной комнате лечебного крыла. Пе-

ред ней лежали сорок семь обезличенных карточек, разложенных по времени поступления. Услышав мои шаги, она даже не спросила о решении Бирюка — перехватила запястье и прижала два пальца к пульсу.

— Он уже звонил заведующей. Сядь и рассказывай, пока сердце не начало говорить вместо тебя.

— Я именно затем пришёл. Своими словами, до общей бумаги.

Даша усадила меня напротив, включила таймер, провела колпачком маркера вправо и влево, заставляя следить глазами, и лишь после этого выслушала официальный повод, роль каждого и фразу Полины.

— Ты предлагаешь мне чинить тебя, пока взрослый менталист бьёт изнутри, — произнесла она, когда я закончил.

— Предлагаю заметить удар раньше меня и остановить до того, как чинить станет нечего.

Маркер внезапно полетел мне в лицо. Я поймал его правой рукой. Второй бросок ушёл левее; пальцы сомкнулись с опозданием, пластик ударил в ладонь и упал между стульями.

— Поэтому решение моё. — Даша подняла маркер и коснулась им бинта. — За двое суток ты дважды открывал ослабленный Реестр, отдал Гермесу память, падал и продолжал голодать. Завтра я осматриваю тебя перед встречей. Один показатель ниже границы — мероприятие переносится.

— Принимаю.

— Я ещё не закончила. Моя команда прекращает всё сразу. Последняя реплика остаётся произнесённой, дополнительная секунда — невыпрошенной, красивое падение — чужой проблемой.

— Бирюк записал то же условие.

— Хорошо. Значит, спорить с вами обоими одновременно мне не придётся. — Она встала напротив и вытянула маркер, как указку. — Фраза.

— «Она сказала, что я уже расход. Если завтра стану говорить иначе — не верь мне».

Даша повторила слова одними губами. Колпачок под её пальцами прижался к столу так сильно, что пластик побелел.

— Полина доверила тебе последние слова брата. Превратишь их в эффектную реплику — остановлю встречу до всякой атаки.

— Она предупредила почти так же.

— Значит, две женщины увидели одну опасность. Ты любишь присваивать чужой голос, когда уверен, что говоришь ради дела.

— Услышал.

— Проверю по поступку.

Даша снова протянула руку, теперь ладонью вверх.

— Если всё пойдёт плохо, драматического спасения не будет. Я стану светить тебе в глаза, задавать глупые вопросы, заставлять считать пальцы и выведу посреди самой удачной

догадки.

Я вложил ладонь в её руку.

— Вчера это помогло.

— Вчера ты сам заплатил памятью. Завтра другой человек попробует отнять управление. Если тело скажет «стоп», я произнесу это вместо тебя, даже при фразе Полины и бумаге Бирюка.

— Принимаю.

— Слишком легко.

— Ты третий человек за день, который заметил.

— Тогда это уже привычка. Окончательное согласие дам после утреннего осмотра. Сегодня еда и сон. Тропинин знает?

— Ждёт меня.

— Иди медленно. — Она проследила, как я поднялся. — Завтра я хочу иметь право отказаться из-за показателей, а не потому, что ты сегодня разбил голову в коридоре.

Тропинин действительно ждал. На столе стояли две чашки и синяя папка Бирюка. Фыр заметил блюдо с печеньем раньше меня, обошёл кресло и лёг так, чтобы до края можно было дотянуться одной лапой.

— Вы опередили курьера на семь минут, Вязьмин. Бедность отлично развивает скорость.

— Мне нужна ваша подпись, а не жалость.

— Тогда начните с того, чего Бирюк не написал. Зачем Смольцевой убивать Аркадия?

Пока чай темнел, я собрал мотив без прямой линии: долги трёх родов, выкуп обязательств, деньги фонда, инициалы в блокноте, страх Аркадия перед человеком внутри Академии.

Тропинин положил ложку поперёк стола.

— Она или человек за её спиной?

— Пока неизвестно. Её присутствие, возможный мотив и реакция на фразу дают основание проверять. Одиночкой она была или частью схемы — отдельный вопрос.

— Хорошо. Дверь для неизвестного вы пока оставили. — Магистр раскрыл папку на строке собственной ответственности. — Моя специализация — призыв. Если Смольцева войдёт вам в голову, следом я её не вытащу. Зато прекращу её академический доступ к помещению и помогу Полинцевой вывести вас.

— Последнее слово у Даши.

— Тогда рядом прозвучит и мой голос. Девятнадцатилетней практикантке легче сказать взрослым «стоп», когда седой магистр не требует героизма.

Он взял ручку, однако подписи ещё не поставил.

— Если Смольцева невиновна, мне останется работать с женщиной, которую я помог публично проверить.

— Если виновна, а вы откажетесь, останетесь в учреждении, которое её прикрыло.

Ручка замерла над строкой.

— Удар хороший, хотя честности в нём мало.

— Ваш вопрос тоже не был мягким.

— Поэтому ответчу Академии, а не вам. — Тропинин под-
писал лист. — Двадцать лет мы принимали её допуски и
молчание за гарантию. Если завтра подозрение подтвердит-
ся, передавать стыд одной Инспекции я не стану.

Фыр вытянул лапу, блюдце сдвинулось на ширину пальца.
Магистр сам придвинул его ближе.

— Одно.

Барсук схватил сразу два и отвернулся жевать.

— Ваш свидетель плохо считает.

— Зато честно показывает намерение.

Тропинин закрыл папку.

— Завтра до прихода Смольцевой пройдем выход. Дверь,
расстояние, сигнал Полынцевой. Тело должно узнать дорогу
раньше вашей гордости.

— Если версия развалится?

— Смольцева получит официальные извинения. Вы —
взыскание. Я — её взгляд на каждом заседании.

— Справедливо.

— При подтверждении цена станет выше. — Он подал
мне чашку. — Пейте. Завтра телом узнаете то, что сегодня
понимаете умом.

Фыр потянулся к третьему печенью. Тропинин накрыл
блюдце папкой.

«Академия боится правды».

— Академия защищает дневную норму сахара.

— Хотя в одном вопросе, — магистр поднял чашку, — мы единомышленны.

На следующее утро в семь сорок Даша заставила меня снять рубашку в малом смотровом кабинете. За окном ледяного крыла дворники сгребали мокрые листья в тяжёлые кучи. Здесь пахло спиртовой салфеткой, резиной манжеты и кашей, которую уже развозили по этажам.

— Указательные пальцы к носу по очереди, — велела она. — Теперь то же с закрытыми глазами.

Левый палец попал точно, правый скользнул по щеке.

— Ещё раз.

— Промах отменяет мероприятие?

— Переговоры во время осмотра отменяют его быстрее. От раздражения врача.

— Ты пока практикантка.

— Поэтому моё раздражение обходится Академии дешево.

Со второго раза обе руки дошли точно. Даша проверила сухожильные рефлексy, провела тупым концом палочки по подошве, заставила пройти по линии на линолеуме. На повороте тело качнулось; ручка сразу оставила отметку в листе.

— След отката ещё держится.

— Я мало спал.

— Это причина показателя, а не способ его отменить. Сядь.

Манжета стиснула руку. Я смотрел, как выбившаяся прядь

касается её щеки; Даша заметила направление взгляда и сильнее прижала липучку.

— Сто двенадцать на шестьдесят восемь, пульс семьдесят девять. Голова?

— Тихо гудит. На два из десяти.

— Вчера?

— Четыре после пробуждения, потом два.

— Почему пропустил в записях?

— Запомнил.

— После потери памяти ты положился на память. Очень последовательно.

Она коснулась моего виска прохладными пальцами, двигая нажим по краю волос. Молодое тело ответило на близость ускоренным пульсом, но манжету уже сняли.

— Больно?

— Сейчас нет.

— Глаза держи открытыми.

— Я и не собирался закрывать.

— Собирался. Для осмотра это подозрительно, остальное обсудим после.

Даша вернула рубашку.

— Допускаю условно. После завтрака повторим сахар и координацию. Завтрак настоящий: каша, яйцо, чай. Шоколад из моего кармана питанием больше не считается.

— Денег у меня...

— Тропинин договорился со столовой, расход проведут

как сопровождение мероприятия.

— Следствие официально кормит приманку.

Даша положила мою рубашку обратно на стул.

— Ещё раз назовёшь себя приманкой — допуск останется здесь. Ты участник процедуры. Слова определяют, как ты обращаешься с собственным телом.

Я застегнул рубашку.

— Участник процедуры хочет кашу.

— Уже лучше.

Архивный закуток осматривали в десять утра. Бирюк пришёл с Ольгой Львовной Рудаковой и Арсеном Петровичем Лобановым — широкоплечим сотрудником охраны с аккуратной седой бородкой и привычкой проверять пальцем каждую дверную петлю. Он показал удостоверение и сразу попросил убрать со стола один короб.

— Перекрывает сектор камеры. Встанет человек — руки уйдут за картон.

Ольга Львовна перенесла короб на нижнюю полку и сверила номер с описью.

— Пятый теперь пойдёт после седьмого.

— Меняйте порядок сейчас, — сказал Бирюк. — Завтра с нумерацией никто импровизировать не будет.

На столе лежали чёрные регистраторы с заводскими номерами и пломбами поверки. Лобанов включил каждый, произнёс перед объективом время и один раз хлопнул ладонями. Телефон Ольги Львовны повторил звук с крошечной за-

держкой.

— Запись сохраняется на карте и одновременно уходит на сервер Инспекции, — объяснил охранник. — Пропадёт связь — останется местная копия. Карту извлеку после мероприятия при свидетелях, номер пломбы внесём в акт.

— Смольцеву предупредят? — спросил я.

— Табличкой на входе, вслух перед началом и отдельной строкой под подпись, — ответил Бирюк. — Она всё проверит. Пусть проверяет и каждый раз находит правду.

Красный огонёк камеры отражался в вентиляционной решётке. Я вспомнил сухие ожоги на теле Аркадия и старый магический жар, который мог оставаться в месте применения дара. В Реестре шевельнулся ещё один незнакомый образ — горячий камень под брюхом, медный запах, узкая пасть. После Гермеса любое новое имя стоило осторожности, однако завтра свежий след мог исчезнуть прежде, чем прибудет эксперт.

— Мне нужен ещё один свидетель, — сказал я. — Сейчас, при всех. Он различает свежий магический жар и старый фон.

Даша развернулась от стола.

— Твоё состояние допускает осмотр помещения, а не новый вызов.

— Поэтому спрашиваю до действия. Малый зверь, один вопрос, затем отзыв. Цена — тепло тела, судя по Реестру. Память он не берёт.

— «Судя по» после Гермеса звучит отвратительно, — сказал Тропинин. Он подошёл ближе и протянул ладонь над моей Печатью, не касаясь кожи. — Покажите образ, не открывая проход.

Я позволил Реестру поднять только край. В сознании проступила чешуйчатая спина цвета остывшей бронзы, огонь под закрытыми веками и одно яркое желание: найти жар, свернуться на нём и никому не отдавать.

— Саламандровый геккон, — определил магистр. — Чует след недавно сотканной магии, пока тот хранит температуру плетения. Старые применения сольются для него в тёплую пыль. За каждый поиск вытянет тепло из призывателя; чем шире помещение и слабее след, тем сильнее остудит. После первого точного ответа потребует очаг или нагретый металл. Откажете — начнёт искать тепло в людях и сорвёт работу.

Бирюк посмотрел на Дашу.

— Решение врача.

Она измерила мой пульс вручную, затем сняла со стола металлическую крышку от коробки и положила возле батареи.

— Один вызов. Тридцать секунд поиска. При ознобе, дрожи или спутанной речи закрываешь связь по моей команде. После — сладкий чай и десять минут покоя. Если зверь попытается греться о человека, Тропинин отзывает его сам.

Я встал в свободный сектор камеры, расстегнул манжету на запястье и прижал ладонь с Печатью к холодному краю

стола.

— Именем крови и памяти рода — явись.

Сначала по дереву прошла медная искра. Она не вспыхнула, а потекла по царапинам, собираясь между моими пальцами. Кожа на руке мгновенно остыла. Из тонкой линии выдавилась плоская голова, затем гибкое тело размером с ладонь. Зверёк упал на стол всеми четырьмя лапами, раскрыл ярко-жёлтые глаза и сердито щёлкнул пастью по моему большому пальцу.

От укуса остались две белые точки. В голове прозвучал хриплый, сухой голос:

«Холодный. Зачем зовёшь без горна?»

Фыр поднялся на задние лапы и фыркнул новому зверю прямо в бок.

«Маленький».

Геккон развернулся молниеносно, распахнул пасть и выдохнул без огня — только горячий запах меди.

«Полосатый. Мокрый. Отойди от моего стола».

— Стол Академии, — сказал я, чувствуя, как холод поднимается от ладони к локтю. — Мне нужен свежий магический жар в этой комнате. Один круг, потом получишь нагретый металл.

Зверёк провёл языком по воздуху и посмотрел на крышку возле батареи.

«Сначала горн».

— Сначала работа. Так договаривались при вызове.

«Ты произнёс слова. Я договора не слышал».

Тропинин едва заметно улыбнулся. Даша, напротив, уже считала секунды по часам.

— Тогда имя и условие вместе, — предложил я. — Гефест. Бог кузницы, который знает цену огню. Найдёшь свежий жар — получишь крышку и право греться на ней до отзыва. Спрячешь след или полезешь за теплом к человеку — уйдёшь сразу.

Имя легло на связь тяжёлым медным звоном. Геккон замер, попробовал его языком и расправил лапы шире.

«Гефест оставляет горн себе».

— На время вызова.

«И первый тёплый кусок мяса».

«Мясо моё», — вмешался Фыр.

— Без мяса. Крышка, тридцать секунд и отзыв.

Гефест сердито ударил хвостом по столу, однако двинулся. Он пробежал по краю, остановился у корпуса камеры, коснулся пломбы языком, затем полез к вентиляционной решётке. Через связь мне пришёл старый, почти выдохшийся жар — несколько слабых слоёв, смешанных с теплом проводки и человеческих рук. Свежей волны среди них не было.

Холод тем временем дошёл до плеча. Пальцы задрожали, и красная точка регистратора расплылась перед глазами.

— Время, — сказала Даша. — Ответ и закрываешь.

Гефест вцепился когтями в решётку.

«Здесь горело давно. Сегодня — пусто. Горн».

— Помещение сегодня дара не видело. Свежего жара нет,
— перевёл я. — Вывод только для подготовки.

Ольга Львовна положила нагретую крышку на стол. Гефест прыгнул на металл, распластался животом и закрыл глаза с таким блаженством, будто получил собственную кузницу. Когда я потянул связь назад, он вцепился всеми лапами.

«Ещё».

— Цена оплачена. Возвращайся.

«Горн мой».

Даша дважды сжала моё плечо. Мир качнулся, и выбор стал мгновенным: оставить зверя ради возможной второй проверки или подчиниться сигналу.

— Именем рода — возвращаю.

Медная искра стянула Гефеста с крышки. Последним исчез хвост; вместе с ним из тела ушла дрожь, зато в висках осталась холодная пустота. Геккон унёс тепло и оставил крышку покрытой инеем по краям.

Даша тут же усадила меня и вложила в руки сладкий чай.

— Вот цена следующего свидетеля. Завтра его не вызываешь до моего отдельного разрешения.

— Он может поймать свежий след после действия.

— После действия решим по твоему состоянию. Сейчас он уже сдвинул предел, который мы собирались беречь для Смольцевой.

Бирюк коснулся инея карандашом.

— В акт вызов не вносим, он предшествует процедуре. В рабочей подготовке фиксируем время, цену и ответ. Лобанов, вентиляцию всё равно проверяете обычным способом. Зверь дал направление, доказательство дадут руки и камера.

Охранник подсветил решётку, снял её отвёрткой и провёл внутрь гибкую камеру. На экране появились пыль, паутина и два старых винта.

— Прохода для человека нет, устройств тоже.

— Это в акт, — сказал Бирюк.

Мом ждал на наружном карнизе. Через условные сигналы он подтвердил два открытых подхода к окнам и машину хозяйственной службы во дворе. Я отозвал ворона до включения защищённого периметра. По спине прошла знакомая волна озноба, и Даша молча заменила мой остывший чай горячим.

— Пьёшь и сидишь ещё пять минут.

— Вызов был малым.

— А запас сил теперь меньше. Завтра у тебя сильный день.

Я сел на стул Смольцевой. Дверь оставалась свободной, красный индикатор камеры был виден собеседнику. Комната не обещала тайного чуда, способного назвать виновного. Объективы сохраняют действия, Гефест почует только жар, медицинские приборы покажут ответ тела. Смысл появится позже — из вопросов, экспертизы и готовности каждого отвечать за своё решение.

— Эвакуация, — сказала Даша.

Я поднялся и шагнул к двери.

— Стоп. Ты встал раньше, чем посмотрел на меня. При воздействии голос может исказиться, поэтому сигнал будет с касанием.

Она подошла сзади и дважды сжала левое плечо.

— Два нажатия — идёшь со мной. Одно длинное — остаёшься, я проверяю состояние. Если речь распадается: один палец — слышу, два — понимаю, кулак — теряю контроль.

— Если рука тоже перестанет слушаться?

Фыр встал поперёк дороги.

«Смотри на полосу. Я буду двигать головой».

— Фыр даст зрительный ритм.

— Хорошо, но моя команда важнее. Он удерживает внимание, нагрузку останавливает человек с планшетом.

«Она завидует полосе».

— Он согласен.

— Ты соврал.

— В части, которая в материалы не попадёт.

Выход повторили трижды. На втором проходе Тропинин оказался в дверях и перекрыл путь плечом; Даша вернула всех на исходные места. На третьем Лобанов шагнул слишком рано, ладонью закрыл объектив моей камеры и получил замечание Бирюка. К полудню схема стала телесной памятью: два касания, взгляд на Дашу, левая нога, свободная дверь, Фыр у колена.

— Выключаем оборудование и пломбуем до завтра, —

распорядился Бирюк. — В одиночку сюда больше никто не входит. В тринадцать ноль-ноль Смольцева получит уведомление одновременно с деканатом, юридической службой и канцелярией ректора. Подменить повод после этого не сможет ни она, ни мы.

— Если позвонит проверять?

— Ольга Львовна прочитает тот же текст. Тропинин подтвердит участие, я — запись. Загадки, которую легко разоблачить, здесь нет. Есть официальная передача, внутри которой лежит известная ей опасность.

Тропинин посмотрел на пустой стул.

— И возможность прийти самой.

— Именно.

У выхода Даша задержала меня за рукав.

— После обеда ещё одна проверка. Ночевать будешь в общежитии, а не в библиотеке.

— Мне надо настроить фразу.

— Аркадий уже её настроил. Тебе остаётся выспаться и произнести без игры.

Фыр боднул меня в голень.

«Умная женщина. Дай ей мясо».

— У меня четыре рубля.

— Что?

— Ужин остаётся проблемой.

— После осмотра столовая выдаст контейнер с гречкой и двумя котлетами. Одну съешь сам.

«Она знала, что я здесь».

— Вторая уже распределена, подозреваю.

Даша наконец улыбнулась.

— На этот раз барсук угадал.

Последний час перед закрытием библиотеки я потратил на глупость: повторял слова Аркадия, подбирая честную интонацию вместо театральной. Фыр лежал на плаще и сообщал, что к восьмому повтору одинаковые слова правдивее не стали. В девять он стащил карандаш и отказался отдавать, пока я не собрал вещи. Ночь прошла в общежитии. Я дважды просыпался, пил воду, проверял время и снова ложился; к утру фраза сохранилась точной, а желание сыграть её исчезло вместе со сном.

Даша осмотрела меня в малом кабинете: давление, пульс, зрачки, координация, состояние Печати. После долгой паузы она кивнула без улыбки.

— В пределах нормы для человека, который плохо спал и ел. Допускаю. При выходе любого показателя за оговорённую границу вмешиваюсь сразу, независимо от протокола.

— Договорились.

Она уже складывала инструменты, когда остановилась.

— И Матвей. Сегодня я буду рядом не потому, что должна. Повторяю, чтобы ты запомнил это крепче вчерашних пятнадцати минут.

Глава 2

До встречи со Смольцевой оставалось меньше часа. Любой ответ на Дашино признание прозвучал бы либо слишком легко, либо слишком тяжело для утра перед встречей с деканом.

К четверти третьего у архивного крыла собрались я, Фыр, Даша с медицинской сумкой, Тропинин в непривычно строгом костюме и Бирюк с двумя нагрудными камерами. Одну он протянул мне.

— Наденьте открыто. Запись идёт на местный носитель и

в защищённое хранилище одновременно.

Я снял куртку и закрепил корпус поверх рубашки. Заводской номер и красный индикатор оставались видны.

— Вторая камера у меня, третья у охраны Академии, четвёртая стационарная в комнате, — продолжил Бирюк. — Её установили с разрешения ректора после происшествия.

— Смольцева знает?

— Об установке — да. О сегодняшнем включении узнает перед началом и подпишет уведомление. Наблюдение открытое.

Даша достала два медицинских датчика. Один закрепила на запястье поверх Печати, оставив между ними просвет; второй спрятала под воротником возле горла.

— Первый фиксирует пульс и кислород, второй — электрическую активность и резкие признаки неврологического стресса. Это медицинская телеметрия, а не прибор для поиска магии.

— Волнение от атаки отличит?

— Сам прибор — нет. Он покажет физиологический рисунок. Я сопоставлю его с временем, наблюдением и картиной смерти Аркадия. Уликой станет совпадение признаков, а не один скачок пульса.

Холодная полоска легла на запястье, вторая коснулась чувствительной кожи под воротником. Даша затягивала крепления методично, удерживая взгляд на застёжках.

— Готово. Данные идут на планшет.

Бирюк дождался, пока экран покажет ровные линии, и оглядел собравшихся.

— Тогда ещё раз, — сказал Бирюк, обводя нас взглядом. — Смольцева уйдёт при первой ошибке и второй возможности мы не получим. Я встречаю её у входа в архивное крыло и веду передачу материалов. Тропинин подтверждает со стороны Академии, что процедура законна. Вязьмин появляется через две минуты после начала: он работал с частью документов и должен установить, что именно передал семье. Полинцева остаётся снаружи, чтобы Смольцева не видела её до медицинской либо официальной необходимости. Фыр держится возле левой ноги Вязьмина и слушает только его. Всем понятен порядок?

— Понятен, — ответил я. Датчик под воротником прижал холодный край к коже, словно сразу проверял, правду ли я говорю.

Бирюк подошёл ближе. Два дня назад он так же стоял над мной в кабинете, когда заставил разложить красивую версию на факты и признать поражение.

— Матвей, вы не бросаете фразу Аркадия с порога. Сначала Смольцева увидит коробка, сверит опись, проверит камеры и подпишет формальности. Дайте ей освоиться и поверить в скучную передачу архива. К письму перейдём только в пункте о документах, полученных лично от семьи. Тогда содержание последнего разговора прозвучит естественно, а не как приготовленная провокация.

— Я дождусь пункта в описи.

— Этого мало. Если она задаст встречный вопрос, не отвечайте речью, которую репетировали ночью. Фальшь слышна быстрее, чем вы думаете, особенно человеку, привыкшему управлять чужими ответами. Пусть Смольцева говорит, осматривается, проверяет нас на слабые места. Ваша задача — довести разговор до нужной минуты, а не победить её первой репликой.

Бирюк двумя пальцами передвинул мою отметку на нарисованной схеме к боковой стене. Между стулом Смольцевой и дверью оставался свободный проход; мой стул стоял глубже, рядом со стеллажом. Если декан решит уйти, я не перекрою ей дорогу ни телом, ни зверем. Красные карандашные стрелки на листе уже истёрлись от вчерашних репетиций, зато ноги помнили маршрут лучше головы.

Я кивнул. На планшете Даши, должно быть, уже дрогнула линия пульса: под воротником чувствовалась лёгкая вибрация датчика. Обычное волнение успело начаться раньше мероприятия и тем самым давало ей чистый фон, с которым можно будет сравнить настоящий удар.

К половине третьего архивный закуток уже не напоминал пространство из памяти Гермеса. Дневной свет лежал на стеллажах, картонных коробах и простом канцелярском столе. Пыль пахла сухой бумагой. Освежитель воздуха отдавал лимонной горечью и безуспешно спорил с более глубоким запахом места, где нашли тело Аркадия. Я ждал за поворо-

том коридора, видел только край дверного проёма и чувствовал тёплый бок Фыра возле левой ноги.

Смольцева появилась в четырнадцать пятьдесят три — за семь минут до назначенного срока. Мом, уже отозванный с карниза, успел передать последний образ: женщина, мужчина, папка. Мужчиной оказался академический юрисконсульт Артемий Николаевич Редкин, сухой, длиннолицый, с кожаным портфелем в руке. Перед каждым приветствием он сначала читал табличку на двери и лишь потом смотрел на человека, будто должность заранее определяла тон разговора.

— В уведомлении допускается присутствие юриста, — сказала Смольцева вместо приветствия Бирюку. — Артемий Николаевич наблюдает за передачей со стороны Академии.

— Его присутствие допускается, — подтвердил Бирюк и протянул руку за документами. — Удостоверение и обязательство о сохранении материалов дела.

Редкин уже держал оба листа наготове. Смольцева успела разобрать уведомление вместе с ним, проверить каждый пункт и привезти человека, который остановит мероприятие при первой ошибке. Внешне она была собрана безукоризненно. Страх под цветочным парфюмом улавливал Фыр; я пока видел только работу.

— До начала я осмотрю помещение, — сообщила декан. Бирюк отступил от двери, освобождая проход.

— Ваше право. Запись ещё не ведётся, её включение объявят при всех участниках.

Смольцева вошла одна. Сначала проверила дверь: потянула ручку на себя, толкнула от себя, повернула замок и убедилась, что створка свободно открывается в коридор. Потом подошла к окну, нажала пальцем на крепление рамы и посмотрела вверх, прямо в объектив стационарной камеры.

Она двигалась без суеты, но осматривала закуток как место возможного нападения. Провела взглядом по щели между коробами, задержалась на вентиляционной решётке, заглянула под край стола. Когда подошва её туфли коснулась участка бетона, где лежал Аркадий, шаг стал короче. Смольцева тут же восстановила прежний темп, и только Фыр тихо втянул воздух возле моей ноги.

— Номер поверки.

Лобанов протянул ей акт, не приближаясь к столу.

— Пломба на корпусе. Номер указан там и в листе, можете сверить оба.

Смольцева сверила. Попросила включить предварительный просмотр, по очереди встала возле каждого стула и проверила, попадают ли в общий план руки, дверь и проход между столом и стеллажом. Редкин шёл следом, заглядывал в акт через её плечо и делал пометки в блокноте, пока ещё закрытом.

На пятой коробке декан остановилась.

— Вчера этот короб стоял на столе.

Ольга Львовна ответила прежде, чем взгляд Смольцевой успел превратить вопрос в обвинение:

— Его переставили в десять двенадцать по требованию сотрудника охраны: короб закрывал руки участника на общем плане. Изменение внесено в опись. Здесь время и две подписи.

Смольцева взяла лист за самый край, прочитала строку и передала Редкину.

— Кто входил в закуток после перестановки?

— В десять сорок семь помещение опечатано, — сказал Лобанов. — Пломбу сняли при вас. Журнал доступа открыт на планшете, бумажная копия лежит рядом с актом.

Она проверила электронную отметку, провела ногтем по краю снятой пломбы и только потом повернулась к Даше, стоявшей у входа с медицинской сумкой.

— Дарья Полынцева, верно? В каком качестве вы участвуете?

— Медицинский консультант Инспекции по приложению к делу Гурьева и специалист сопровождения участника после недавнего постпризывного отката.

Смольцева перевела взгляд с неё на датчик под моим воротником.

— Студентка-практикантка сопровождает другого студента на следственном мероприятии с предполагаемым риском. Любопытный выбор специалиста.

Даша удержала руки на ремне сумки, не стала ни выпрямляться, ни оправдываться.

— Я работаю под руководством заведующей лечебным

крылом, имею письменный допуск и право остановить на грузку. Документы находятся у инспектора Бирюка.

— Личные отношения между вами тоже внесены в документы?

Удар был рассчитан точно. Даша должна была покраснеть или начать доказывать профессиональную беспристрастность, а я — вмешаться и тем самым показать, где меня удобнее держать. Фыр напрягся возле голени. Даша лишь подтянула ремень медицинской сумки, который сполз на плечо.

— В документы внесены обстоятельства, способные повлиять на заключение. Если у вас есть ходатайство о моём отводе, назовите основание сейчас. Инспектор рассмотрит его до начала записи.

Смольцева задержала взгляд на её лице. Даша выдержала молчание спокойно.

— Пока ходатайства нет.

— Тогда я продолжу работу, Феодосия Игнатьевна.

Тропинин кашлянул в кулак. Звук мог скрывать напряжение, одобрение или оба чувства сразу. Смольцева тут же повернулась к нему.

— Северьян Лукич, вы подтверждаете, что коробка всё время находилась под академической охраной?

— Подтверждаю период, который видел лично и могу подтвердить журналом. За время до опечатывания отвечает Бессонов, его подпись приложена. Пользоваться чужой ответственностью я не стану, Феодосия Игнатьевна.

— Для принципиальности вы выбрали удобный день.

Тропинин опустил руку от лица и посмотрел на неё прямо.

— Неудобные дни лучше показывают, была ли она раньше.

Холод на лице Смольцевой стал ещё ровнее. Перемена длилась полсекунды и исчезла прежде, чем Редкин открыл портфель. Юрист вынул чистый блокнот, положил его на край стола, затем показал Бирюку выключенный телефон.

— Собственную запись вести разрешается?

— От руки — да, — ответил Бирюк. — Фото и звук возможны после внесения устройства в протокол. У нас четыре источника записи; копию предоставим по официальному запросу.

— Телефон останется в портфеле.

Редкин выключил аппарат при всех, убрал его во внутреннее отделение и застегнул молнию.

Смольцева выбрала стул возле двери, как предсказывал Бирюк, но прежде развернула сиденье на несколько градусов. Теперь она одновременно видела меня, Тропинина и свободный коридор. Потом подошла к табличке о видеозаписи, вслух прочитала номер распоряжения и потребовала копию. Ольга Львовна без паузы выдала второй экземпляр.

Лишь после этого декан села.

— Приступим. Раз уж внешнее следствие решило превратить передачу архива в представление, я хотя бы прослежу за реквизитом.

— Процедура начнётся после объявления записи, — сказал Бирюк. — Арсен Петрович, включайте.

Лобанов по очереди запустил регистраторы. Красные точки вспыхнули на корпусах: сначала у Бирюка, затем у меня, у представителя охраны и, наконец, над стеллажом. Лобанов назвал дату, точное время, участников и номера устройств. Каждый подтвердил имя и статус. Смольцева произнесла своё спокойно, Редкин — сухо, я назвал своё полным документальным именем. Фыр сел у левой ноги и следил за правой рукой декана.

«Она готовилась к словам, — сказал он. — Но всё равно пришла».

Её привела собственная выгода. Теперь следовало позволить Смольцевой оставаться умной и осторожной до самого края, за которым осторожность уже не спасёт.

Она раскрыла опись и не сразу подняла на меня глаза.

— Вязьмин, я не предполагала, что для передачи архива понадобится студент.

— Часть материалов передала лично мне семья погибшего, — ответил я тем будничным голосом, который Бирюк заставлял отрабатывать утром. — Инспекция попросила подтвердить при передаче, какие документы мне вручили и в каком состоянии.

— Разумно. — В слове звякнула тонкая насмешка. — Хотя удивительно, что подлинность доверяют человеку без профильного образования.

Бирюк продолжал заполнять бланк и даже не поднял головы.

— Следствие доверяет проверяемому источнику. Подлинность каждого листа отдельно установит экспертиза. Вязмин присутствует, чтобы подтвердить происхождение материалов и передачу из рук в руки.

Смольцева повернулась к Тропинину.

— Северьян Лукич, вас тоже пригласили ради этой формальности?

— Меня пригласили как куратора от Академии, чтобы подтвердить законность доступа к архиву. Обычная межведомственная передача, Феодосия Игнатьевна. Вы сами подписывали такие документы не раз.

Она смотрела на него на долю секунды дольше, чем требовал ответ. Проверяла, по-прежнему ли Тропинин принадлежит Академии в её понимании или уже выбрал другую сторону. Хороший признак: Смольцева считала союзников. Плохой заключался в том же самом — она уже искала предательство.

— Хорошо. Начнём.

Бирюк развернул бланк. Следующие десять минут прошли в ритме, который мог усыпить даже подозрительность декана: номер короба, целостность пломбы, строка описи, подпись. Картон шуршал, перо Редкина поскрипывало по бумаге, Ольга Львовна подавала очередной лист. Смольцева отвечала коротко и точно, привычно работала с каждым пунк-

том. Ручка лежала в пальцах уверенно, подписи выходили ровными, одинаковыми.

У третьего короба она заставила Лобанова повторно назвать номер пломбы. На шестом спросила, почему лист с банковской выпиской лежит поверх описи, и получила ответ Ольги Львовны: документ положили так при вскрытии, положение отмечено на фотографии. Редкин сверил снимок, кивнул и впервые за процедуру закрыл рот, уже приготовленный для возражения. Каждый маленький спор заканчивался проверяемым фактом. Именно эта предсказуемость медленно возвращала Смольцевой привычное преимущество человека, который умеет жить в бумагах лучше собеседников.

Скучная процедура действовала и на меня. Пульс постепенно замедлялся; по короткому взгляду Даши из дверного проёма я понял, что линия на её планшете выравнивается. Тело привыкало к порядку перечислений и начинало верить в будничность происходящего. Если эта уверенность заразила меня, она могла коснуться и Смольцевой.

Бирюк перевернул страницу.

— Пункт одиннадцать. Личная переписка потерпевшего, добровольно переданная следствию членами семьи. Письмо Аркадия Гурьева сестре, Полине Гурьевой-Долгиной, найденное в тайнике родового дома. Подтверждение происхождения и состояния — Вязьмин.

Холодный датчик под воротником дрогнул раньше, чем я

вдохнул. Тело узнало наступившую минуту и выдало её Даше первым скачком.

— Подтверждаю. Письмо передала мне лично Полина Гурьева с условием сохранить лист и передать Инспекции. В тексте описана финансовая схема; Аркадий подозревал участие человека из Академии.

Смольцева впервые с начала описи посмотрела прямо на меня.

— Какого человека он назвал?

Вопрос прозвучал профессионально, как уточнение для строки в бланке. Пальцы на ручке сжались чуть сильнее, и только это движение выдавало цену ответа.

— Письмо велит спросить именно вас о деньгах Северовых, — сказал я. — При этом Аркадий отдельно предупреждает: вашей вины он ещё не доказал. Есть другой источник — точная фраза, которую он произнёс сестре во время последнего разговора.

— Что именно она свидетельствует?

Голос остался ровным. Глаза сузились тем же быстрым движением, которое я заметил несколько дней назад у деканата, когда Смольцева увидела меня по дороге к ректорату.

Я посмотрел на Бирюка. Он не поднял головы от бланка, только едва заметно кивнул.

— Это последние слова Аркадия, сказанные сестре по телефону в двадцать один тридцать две в день смерти, — продолжил я. — После разговора он пришёл именно сюда, на

встречу, ставшую последней.

Смольцева положила ручку рядом с описью. Сделала это медленно и слишком аккуратно для человека, который слушает скучное подтверждение документа.

— Что же он сказал сестре?

Пuls под датчиком ускорился. Дыхание Смольцевой стало глубже; плечи чуть поднялись, словно она приготовилась принять удар, формы которого ещё не знала. Вспомнилась просьба Полины: без спектакля. Я произнёс фразу так, как человек передаёт чужие слова, доверенные ему живым голо- сом.

— Аркадий сказал: «Она сказала, что я уже расход. Если завтра стану говорить иначе — не верь мне».

Закуток замолчал. За стеллажом продолжала работать вентиляция, но теперь её ровный гул лишь подчёркивал тишину. Редкин перестал писать, кончик пера завис над строкой. Тропинин медленно опустил взгляд на Смольцеву.

Лицо декана выдержало первую секунду без единой трещины — привычка комиссий, заседаний и чужих обвинений сработала раньше сознания. Тело оказалось честнее. Правая рука на столе сжалась так резко, что побелели костяшки. Ровное дыхание оборвалось одним коротким судорожным вдохом.

— Эта фраза ничего не доказывает, — произнесла она. Голос впервые дрогнул на самом краю слуха. — Студенческие домыслы, пересказанные сестрой, которая потеряла

брата и теперь готова находить смысл в каждом его слове.

— Согласен: сама по себе фраза требует проверки. Но Аркадий произнёс её до встречи с вами, а не после. Он заранее предупредил Полину, что кто-то может заставить его говорить иначе против собственной воли. Это его предостережение, а не поздняя догадка сестры.

— Довольно, Вязьмин, — резко остановил меня Бирюк. Упрёка в голосе не было; он обозначил конец подготовленной части и оставил Смольцевой пространство для собственного решения. — Феодосия Игнатьевна, вы можете прокомментировать свидетельство либо отказаться до консультации с адвокатом.

Она смотрела на меня. Бирюк, бланк и юрист словно выпали из комнаты. В этом взгляде впервые исчез расчёт декана, привыкшего управлять каждым пространством. Осталось голое узнавание человека, который увидел давний страх именно в той форме, какой боялся.

— Он знал, — тихо сказала Смольцева, обращаясь скорее к себе. — Мальчишка знал заранее.

Бирюк подался вперёд, опёрся пальцами о стол.

— Что именно знал Аркадий, Феодосия Игнатьевна?

Она моргнула, будто вернулась в закуток. Лицо снова собралось, но поза уже выдала больше: плечи опустились, кулак на столе так и не разжался.

— Ничего. Моя реплика к делу не относится.

— Тогда объясните, почему сказали, что он знал заранее,

— спросил я. Датчик отозвался новым скачком пульса; ловушка начала работать быстрее, чем мы рассчитывали. — Знал о чём?

— Не заговаривайтесь со мной, Вязьмин. — В её резкости уже звучала живая злость. — Вы студент с временным допуском, который играет в сыщика над письмом покойного мальчика. Вы даже не понимаете, куда лезете.

— Помогите понять.

Этой реплики Бирюк не давал. Она вышла сама — из упрямства, которое не позволяло отпускать нить, пока натяжение ещё чувствовалось в руке.

Смольцева вскочила. Ножки стула с визгом прошли по полу, Редкин отшатнулся вместе с блокнотом.

— Довольно. Я не обязана отвечать на домыслы, построенные на фразе умирающего, пересказанной через сестру... — Она осеклась. Краска отхлынула от лица. — На пересказанной фразе.

Я оставил между нами один удар сердца.

— Умирающего, — повторил тихо. — Аркадий был жив и здоров, когда звонил сестре. Он собирался прийти сюда и требовать ответы. Откуда вы знаете, что в ту минуту он уже был умирающим?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.